

СВЯТИТЕЛЬ
ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ

ИЗБРАННЫЕ
ПИСЬМА

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

**Избранные творения.
Избранные письма**

«Сибирская Благовонница»

УДК 242
ББК 86.37-42

(Брянчанинов) С.

Избранные творения. Избранные письма / С. (Брянчанинов) —
«Сибирская Благовонница»,

ISBN 978-5-906793-31-7

Для современного человека, желающего серьезно проводить духовную жизнь, творения святителя XIX века Игнатия (Брянчанинова) являются незаменимым руководством. В них сосредоточен предшествующий опыт святоотеческой аскетической мысли, и этот опыт святитель Игнатий воплотил в собственной жизни. В его писаниях ясно раскрывается сущность правильного духовного пути, а также разъясняются те тонкости духовного делания, которые могут быть неверно истолкованы при чтении древних аскетических трактатов. Жизнь святителя стала подтверждением того духовного закона, что никакие искушения, обстоятельства времени или особенности личного положения в обществе не могут препятствовать единению духа человеческого с Духом Божиим. Издание опирается на собрание писем, подготовленное игуменом Марком (Лозинским; † 1973), горячим почитателем святителя Игнатия и усердным тружеником на ниве собирания сведений о жизни святителя, о его литературных трудах и особенностях аскетического учения.

УДК 242
ББК 86.37-42

ISBN 978-5-906793-31-7

© (Брянчанинов) С.
© Сибирская Благозвонница

Содержание

Предисловие	7
Письма к монашествующим ¹	9
Письмо 1	9
Письмо 2	11
Письмо 3	12
Письмо 4	13
Письмо 5	16
Письмо 6	17
Письмо 7	18
Письмо 8	19
Письмо 9	20
Письмо 10	21
Письмо 11	22
Письмо 12	23
Письмо 13	25
Письмо 14	29
Письмо 15	31
Письмо 16	32
Письмо 17	33
Письмо 18	34
Письмо 19	35
Письмо 20	36
Письмо 21	38
Письмо 22	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**Игнатий (Брянчанинов), святитель,
епископ Черноморский и Кавказский
Избранные письма**

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС Р15-531-3502

Предисловие

Вниманию читателя предлагается новое издание избранных писем святителя Игнатия (Брянчанинова; † 1867).

Уже ни для кого не секрет, что творения святителя Игнатия входят в сокровищницу лучших святоотеческих сочинений, восполняющих духовные нужды христиан нашего времени. Отдельные произведения святителя для многих стали настольными книгами и служат незаменимым руководством на пути личной духовной жизни. А сам святитель Игнатий являет собой пример и образец подлинного служения Богу среди всевозможных испытаний и невзгод мира сего.

При этом в собрании творений святителя особое место занимают его письма. В письмах раскрываются те сокровенные стороны души, которые святитель открывал далеко не каждому. Здесь мы видим те тепло и откровенность, с которыми святой угодник обращался к своим адресатам. Письмо – всегда живой голос, исходящий из непосредственных чувств сердца и обращенный к людям по поводу конкретных духовных нужд или жизненных проблем. Читая письма святителя, мы в какой-то степени тоже становимся его адресатами, а тепло и откровенность его души передаются нам.

Сам святитель Игнатий никогда не задумывался о публикации своих писем и не высказывал подобных желаний. Если все остальные его сочинения тщательно выверялись, то письма написаны более непосредственно, как выражение живого религиозного чувства и личного духовного опыта. Но именно в связи с этим, письма святителя являются прекрасным введением в его аскетическое наследие, ключом к пониманию его духовных идеалов. И может быть даже невозможно до конца понять и осмыслить «Аскетические опыты» святителя, не познакомившись предварительно с письмами. После их прочтения становится понятно, чему святитель уделял особое внимание, какие акценты делал и почему именно он так учил.

Письма, отражая конкретные переживания святителя Игнатия, приоткрывают завесу над сокровенной стороной его жизни, личных душевных исканий и духовной заботы о людях, которых Господь привел под руководство святителя. Хочется надеяться, что читатель писем святителя в какой-то степени тоже станет его учеником и духовным последователем.

В данном издании опубликованы избранные письма святителя Игнатия, наиболее относящиеся к вопросам духовной жизни, которые, как представляется, будут особенно полезны широкому кругу читателей. Издание опирается на собрание писем, подготовленное игуменом Марком (Лозинским; † 1973), горячим почитателем святителя Игнатия и усердным тружеником на ниве собирания сведений о жизни святителя, о его литературных трудах и особенностях аскетического учения.

Дай Бог, чтобы читатель приобщился к духовному богатству, обильно содержащемуся в письменном наследии святителя Игнатия (Брянчанинова), и нашел его применение в личной духовной жизни.

Священник Валерий Духанин

* * *

В 1967 году, к столетию со дня блаженной кончины епископа Игнатия (Брянчанинова) (30.05.1867 г.), в Московской духовной академии впервые было составлено «Полное собрание писем...» известного архипастыря подвижника Русской Церкви святителя Игнатия (Брянчанинова).

Это собрание состоит из трех объемистых машинописных томов общей численностью 1425 страниц и насчитывает 835 писем. В «Полное собрание...» вошли все ранее изданные письма почившего иерарха, а так же и вновь найденные (200 писем) в различных архивах.

«Полное собрание писем...» содержит множество ценных наставлений и советов в духовной жизни христианина, прекрасно отображает духовный образ великого подвижника Русской земли – преосвященного Игнатия и содержит некоторые ранее неизвестные биографические сведения, но при всех этих достоинствах оно очень громоздко и не может быть доступно для почитателей памяти Владыки.

Сборник – «Избранные письма епископа Игнатия (Брянчанинова)» составлен на основе «Полного собрания...» с исключением из него всех тех писем и отдельных мест, которые не имеют нравственно-назидательного значения. Сохранена в этом сборнике и последовательность писем «Полного собрания...» – письма к монашествующим, мирянам, родным и друзьям.

В заключение покорно прошу прощения у читателей и молитв, чтобы Господь не вменил во грех, что опустил некоторые письма, а некоторые предельно сократил, имея при этом одну цель: в возможно кратком виде представить неоценимое сокровище святителя Игнатия – его учение о духовной жизни христианина для лиц, ищущих духовной пищи.

Игумен Марк (Лозинский)

Письма к монашествующим¹

Письмо 1 К высокопреосвященнейшему митрополиту Московскому Филарету. Отказ от назначения цензором духовных книг и причины этого

Ваше Высокопреосвященство!

Милостивейший Архипастырь и Отец!

Когда имел я счастье быть у Вас и Вам благоугодно было спросить, не имею ли усердие участвовать в цензуре духовных книг, – то внезапность вопроса не позволила мне представить на благорассмотрение Вашего Высокопреосвященства удовлетворительного ответа. Сими строками хочу пополнить оный.

Нахожу должность цензора весьма для себя отяготительною и по душе и по телу. По телу: должен я по крайней мере в неделю раз ездить в Петербург, для общих совещаний с прочими членами цензурного комитета. Весьма часто должно будет мне являться для объяснений и к членам Святейшего Синода, в случае их нездоровья или отлучки должен повторить приезд. Для человека, живущего в столице и пользующегося здоровьем, сие удобно и легко; но мне при сильном расстройстве нервов, загородному жителю, – до безмерия отяготительно. За каждую поездку в город плачу дорого; должен лежать целые сутки, так ослабну, так заломит кости!

По душе: решился я принять монастырскую жизнь не для цели честолюбия земного, ниже для цели пострижения; напротив, должен был не без сильной душевной борьбы отказаться от честолюбивых видов и призраков, являвшихся мне во всем блеске в мирской моей жизни. Если присовокупить к сему любовь моих родителей, то могу сказать: сколько сделал я пожертвований многоценных, дабы наследовать уединенную келлию, то село, на коем скрыт бесценный

бисер! Десять лет уединяясь (более или менее) в келлии и отвлекая ум мой от многообразности и многочисленности предметов – уже чувствуя, что многие воспоминания во мне замерли, – не могу без очевидного бедствия душевного впасть в море забот внешних, суждений, прений, выездов, – в жизнь путешественника. Самым пребыванием в Сергиевой пустыне до зела отягощаюсь, – и единственно потому не утруждаю просьбою об увольнении из оной Государя Императора, чтобы не быть перед Ним до конца неблагодарным, – молчу до времени, ожидая, что перст Божий укажет мне приличное к уединению время. О сем прилежно молю Господа. Изволили также спрашивать: чем я занимаюсь? Поверьте, нет у меня лишнего времени. Не говорю уже о том, сколько одного похищает у меня слабость тела, монастырские заботы, – а паче всего выезды.

Прошу и убеждаю Ваше Высокопреосвященство: как милостивое расположение Ваше и доверенность внушили Вам мысль возложить на меня упомянутую должность, так оное же милостивое расположение и внимание к слабостям моим, к душевному направлению и к покорнейшей просьбе да убедит Вас оставить грешного Игнатия плакаться о гресех его. Довольно, предовольно для осуждения моего на Страшном Суде Христовом собственных грехов и настоятельного ига, недостойно носимого. Прошу святых молитв и прощение за многословие.

Архимандрит Игнатий.

21 декабря 1837 года

Письмо 2

К Высокопреосвященному митрополиту С.-Петербургскому Исидору. О духовном и телесном подвигах

Благосклонному и благочестивому вниманию Вашего Высокопреосвященства имею честь представить труд мой – книгу под названием «Аскетические опыты». В книге изложены понятия о духовном подвиге, которые почерпнуты мною в течение долговременного созерцания монашества как в живых представителях его, так и в писаниях святых отцов.

По настоящему положению монашества в России и вместе по состоянию общества в духовно-нравственном отношении, ближайшее ознакомление и монашества и общества с правильным образом подвижничества оказывается особенно нужным и полезным. Уважение к телесному подвигу, когда он предоставлен лишь самому себе, уважение, воздававшееся во времена простоты, миновало. Миновало оно по той весьма естественной причине, что монахи, занимающиеся исключительно телесным подвигом, не могут дать должного отчета в монашеской жизни ни себе, ни братьям своим, живущим посреди мира. Притом занятие телесным подвигом в той степени, в какой занимались им старинные монахи, ныне очень, очень ослабело по причине общего упадка сил и здоровья в человеке. Занятие это уже не воспроизводит атлетов, которые возбуждали бы удивление к себе, обнаруживая что-либо сверхъестественное.

Духовный подвиг образует истинных, сознательных монахов, и его-то вызывает, так сказать, на поприще деятельности современная образованность. Он, один он может ввести в монастыри и поддерживать в монастырях строго-нравственный порядок, доставляя братству точные, правильные, глубокие понятия о христианстве, доставляя братству разумную свободу, соединенную с разумным духовным подчинением, образуя в братстве духовную силу и связь. Он, один он может облечь монаха во всеоружие для отрешения современных, враждебных Церкви учений, сообщая монаху ощущение гармонии между евангельским учением и свойствами души человеческой. Он вводит монаха в правильное самовоззрение и истекающее из этого самовоззрения сознание своего падения и необходимости в Икупителе. Сам телесный подвиг, приведенный к нормальному значению своему подвигом духовным, действует в подвижнике с особенною благотворностью, которой он чужд, когда действует один.

Расположение и покровительство, оказываемые Вашим Высокопреосвященством монашеству, Ваше усердие и ревность к поддержанию его и возведению в преуспеяние, предначертанное церковным преданием, внушили мне дерзновение предоставить взорам Вашим составленную мною книгу...

Испрашивая себе Ваше Архипастырское благословение и поручая себя Вашим Святительским молитвам, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопреосвященства милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

Письмо 3

Архиепископу Херсонскому и Таврическому Гавриилу. Благодарность за память и краткое описание своей жизни и жизни своих родственников

Ваше Высокопреосвященство! Милостивейший Архипастырь!

Доселе не могу опомниться от письма Вашего: я утешен, упоен утешением! Читаю письмо Ваше, перечитываю, радуюсь, и паки к чтению письма влекусь желанием ненасытно. Как! ни дальность времени, ни перемена многих разнообразных обстоятельств, ни новые союзы дружбы не могли ослабить в Вас того милостивого, искреннего расположения, которое Вы получили к моему родителю и всему нашему семейству! Кажется, – время, истребляющее, по крайней мере весьма ослабляющее впечатление, в Вас только дало им более жизни и силы. Это чудо, восхитительное чудо, Вы пролили в сердце мое радость небесную! Да вознаградит Вас Бог за чувство сладости райской, которое Вы излили в сердце мое письмом, дышущим любовью! Спешу уведомить Вас, что письмо Ваше застало родителя моего в те минуты, как он хотел ехать обратно в Вологду из Сергиевой пустыни, куда приезжал на две недели для свидания со мною после пятилетней разлуки. Он, прочитав письмо, рыдал о бесчисленных, разнородных чувствованиях, скопившихся в сердце, он просит Вашего Архипастырского благословения и молитв. Из детей я, старший, Димитрий, который и прежде пользовался особенным Вашим расположением, о котором Вы говаривали Александру Семеновичу: уступите его в монашество! Ненаглядный Сенюша с другим братом служат в Семеновском полку. Четвертый брат, по старшинству второй, есть тот, который имел счастье быть у Вас в Екатеринославе. Три сестры, две замужем, одна вдовствует. При вступлении моем в разряд послушников, спешил я в Орловскую епархию, монашеством обильную, надеясь найти в ее пастыре и покровителя и наставника. Достигаю Орловских пределов и искомого не обретаю; Промыслу угодно было малыми скорбями доставить мне малую опытность, столько нужную в жизни, особенно монашеской. Мне от роду 32 года, родителю моему 59; столько же или не многим более Павлу Алексеевичу Шитилу, которого на днях ожидают сюда. Как родитель мой, так и Павел Алексеевич Шитилу уже старцы, покрытые сединой. Шитилова Елизавета Николаевна, лишившись двух старших детей, сына, доброго и даровитого Алексея, убитого на сражении, и дочери, скончавшейся скоропостижно, крайне повредила в здравии. Одно ее утешение – единственный сын Леонид, коего едва ли Вы знаете. Вот малейшая часть моего отчета, которую Вам представляю; впредь надеюсь дополнить.

Сто крат повторяю мою благодарность за столь нежную память Вашу. Поручаю себя

Вашим молитвам и благословию, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства, Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейший послушник (на подлинном подпись)

Архимандрит Игнатий.

15 февраля 1839 года

Письмо 4

Некоторому архиепископу, присутствовавшему в Святейшем Синоде (Курскому Илиодору)

Ваше Высокопреосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую, сердечную признательность за милостивое, христианское участие в моих обстоятельствах! Видя такое Ваше участие, позволяю себе беспокоить Вас этими строками; по самому участию Вашему примите их благосклонно, рассмотрите изложенное в них при свете духовного рассуждения, которым Господь одарил Вас.

В указе Консистории прописана мне следующая резолюция Преосвященного Викария Санкт-Петербургского с требованием от меня отзыва: «Консистория имеет спросить настоятеля Сергиевой пустыни Архимандрита Игнатия: не пожелает ли он воспользоваться временным отпуском для излечения, и в таком случае Архимандрит Игнатий в отзыве своем имеет рекомендовать то лицо, которому благонадежно может быть вверено исправление лежащих на Архимандрите обязанностей впредь до возвращения его по выздоровлении».

Каждое дело, по мнению моему, имеет свой естественный ход, от которого уклониться трудно, которому споспешествуют самые препятствия. Вы меня не осудите, если скажу, что вижу в делах человеческих невидимое, но мощное действие Промысла Божия, который, по учению преподобного Исаака Сирского, особенно бдит над оставившими суетный мир для взыскания Бога, Спаса своего. *Судьбы Твоя помогут мне*², — воспевал боговдохновенный Давид.

В резолюции Преосвященного Викария я нашел и нахожу указание, чтоб я дал именно тот отзыв, который мною дан, отзыв, согласный с прошением о увольнении меня, поданным не в минуту душевного волнения, но надуманным годами и оттого имеющим характер твердости и основательности. Тем, что предоставляется мне указать на лицо благонадежное для управления монастырем во время моего отсутствия, оставляются на мне заботы о благосостоянии монастыря и ответственность за все могущее встретиться. При назначении такого лица, мне невозможно обидеть моего наместника устранением его от поручения; – невозможно устранить его, потому что он один мог бы, при благоприятных обстоятельствах, поддержать Сергиеву пустынь в том виде, в каком она теперь; невозможно указать на него по известным к нему отношениям Преосвященного викария, который может своими распоряжениями связать, исказить все его распоряжение, расстроить монастырь, а вину расстройства, им самим произведенного, возложить на наместника. По подобным распоряжениям его Преосвященства и мне нельзя долее оставаться настоятелем Сергиевой пустыни, если б даже болезненность моя не вынуждала меня к удалению. Сказав это, останавливаюсь распространяться! Весьма рад, что болезненность моя дает мне полновесный повод к удалению и избавляет от отвратительного многословия, долженствующего состоять из оправданий и обвинений, что так противно учению Христову, что мучит душу, хотя несколько вкусившую сладость мира, истекающего из соблюдения заповедей кротчайшего Господа Иисуса Христа.

Резолюция Преосвященного викария сохраняет по самому естественному ходу дела, обнаруживающему, впрочем, залог сердечный, общий характер его поведения относительно меня. Это – фигура, это – слова, из которых образуется какая-то маска, при первом, поверхностном взгляде кажущаяся чем-то. Вглядитесь в нее поближе, – увидите безжизненность, картон, белила, румяна, неблагоприятное, неблагоприятное. Опять оставляю распространяться. *Да не возглаголют уста моя дел человеческих*³, да не пресмыкается мысль моя в земном прахе, да не блуждает в соображениях человеческих, темных и производящих одно смущение, «да помянет она чудеса Божии и судьбы уст Его, яко той Бог наш, по всей земли судьбы Его».

Скажу Вашему Высокопреосвященству просто и прямо: болезненность моя требует совершенного удаления моего из Сергиевой пустыни навсегда. Обстоятельства содействуют удалению. Вижу в этом судьбы Божии, вижу благодетельствующую мне руку Божию, ведущую меня в уединение, – *да узрю грех мой и попечуся о нем*⁴. В глазах моих люди в стороне. Действует Промысл Божий, в деснице которого люди – орудия, орудия слепые, когда благоволят о слепоте своей. От зрения

Промысла Божия сердце мое сохраняет глубокий мир к обстоятельствам и людям. А мир сердца – свидетель святой Истины!

Когда в день преподобного Сергия Вы, святой Владыка, находились в Сергиевой пустыне для священнодействия; тогда в духовной, искренней беседе я сказал Вашему Высокопреосвященству, что имею неперменное намерение уклониться от должности в безмятежное уединение. С тою целью оставил я мир, с этой постоянною целью совершаю двадцатый год в монастыре. Я всегда желал глубокого уединения, боялся его, признавая себя несозревшим к нему; боялся самочинно вступить в него. Но когда указывается оно Промыслом Божиим, то благословите меня, грядущего во имя Господне!

Как уже оставляющий настоятельство Сергиевой пустыни, могу с откровенностию сказать об отношениях сердца моего к этой обители. Четырнадцатый год провожу в ней – и ни к чему в ней не прилепилось мое сердце, ничто в ней мне не нравится. Только к некоторым братьям я питаю истинную любовь! Кажется – едва выеду из Сергиевой пустыни, – забуду ее. Я занимался устройством ее, как обязанностию; принуждал себя любить Сергиеву пустынь, как в Инженерном училище принуждал себя любить математику, находить вкус в изучении ее сухих истин, переходящих нередко в замысловатый вздор. Стоящая на юру, окруженная всеми предметами разнообразного, лютого соблазна, обитель эта совершенно не соответствует потребностям монашеской жизни. Быть бы тут какому-либо богоугодному заведению и при нем белому духовенству! Не по мысли мне монастырь – Сергиева пустынь. И я ей был не по мысли: поражая меня непрестанными простудными и геморроидальными болезнями, производимыми здешними порывистыми ветрами и известковою водою, она как будто постоянно твердила мне: ты не способен быть моим жителем, – поди вон!

Всякое решение Святейшего Синода приму с благоговением и с благодарностию: уволят ли совершенно на покой, скажут ли, что увольняют впредь до выздоровления, – за все благодарен. Я мог однажды привести ее в некоторый порядок, другой раз к такому труду не способен! Нужно было образовать сердца, воспитать новых монахов из юношей, ими заменить старожилов, окостеневших в своих навыках. Для этого нужно время, нужны годы, нужны нравственные и телесные силы: они истощились, повторение такого же труда для них невозможно! Изможденное болезнями тело требует отдохновения, спокойствия; душа, насмотревшись на суету всего временного, хочет быть сама с собою; перед нею открывается вечность; она готовится в путь отцов своих, находит нужду, крайнюю нужду к этому приготовлению; сократилось, исчезло пред нею время остальной моей жизни. В вечность! В вечность! Туда – и взоры, и мысли, и сердце!

Некоторые страшат меня теми неудобствами, с которыми бывает сопряжена жизнь на покое не только настоятелей, но и архиереев. Отвечаю: нет рода жизни без своих скорбей; но я высмотрел жизнь монастырскую подробно, не только сверху, но и снизу, проводивши многие годы послушником. Точно, пришлось видеть некоторых настоятелей, живущих будто бы на покое, но на самой вещи на беспокойствии в полном смысле. Опять видел других настоятелей, для которых оставление должности и жительство на покое было средством к достижению сугубого спокойствия и по душе, и по телу. В пример последних могу представить почившего в Бозе, известного по благочестию, отца Феофана, архимандрита Новоезерского: я имел счастье его видеть, имел счастье с ним беседовать. По моему мнению, заимствованному из учения преподобных наставников монашества, утвержденному собственными наблюдениями, насто-

ятель, живущий на покое, если возлюбит поучаться в законе Божиим, если изберет в жребий свой участь Марии, остережется от всякого участия в части Марфиной, то проведет тихо, безмятежно дни свои, особенно в монастыре пустынном и общежительном. Есть у меня советник, которого советом я руководствуюсь в моем поведении при настоящих обстоятельствах. Пленяюсь его советом, увлекаюсь им! «Блаженни, – говорит он, – препоясавшиеся по челу своим к морю скорбей, простотою и неиспытным образом, любви ради, яже к Богу, и не давши плещи. Сии скоро к пристанищу Царствия спасаются, и почивают в селениях добре потрудившись, и утешаются от злострадания своего, и радуются во веселии надежды своея... размышляющий же много помышления, и хотящий зело быти премудрии, и предающий себе обращением помыслов и боязни, и предуготовляющийся, и предзрети хотящий вредительные вины, множайшии из сих при дверех домов своих выну сидяще обретаются. Якоже рекшии: сыны исполинов видехом тамо, и бежом пред ними яко пружи. Сии суть во время скончания своего обретающийся на пути, присно хотящий быти премудри, положите же начала отнюдь не хотяще. Невежда же плавает с первою теплою и переплывает, попечение о теле отнюдь не творя...

Внемли себе, да не будет многость премудрости твоя поползновение души твоей и сеть пред лицом твоим: но на Бога уповая, с мужеством положи начало пути, исполненного крове, да не обрягцешися присно скуден и наг разума Божия. Бояйся же и ждый ветров, не имать сеяти... Сего ради не упрямудряйся излишнее отнюдь, но даждь место вере в мысли твоей, и поминай дни оны многие, и будущие и неисповедимые веки, сущие по смерти и Суде, и не внидет некогда слабость к тебе... С мужеством начни всякое дело благо, и да не с двоедушием приступиши к нему, и да не усумнишися в сердце твоём о надежде Божией... Но веруй в сердце твоём, яко милостив есть Господь, и взыскающим Его даст благодать яко мздовоздаятель, но не по деланию нашему, но по усердию душ наших и вере. Глаголет бо: “яко же веровал еси, буди тебе”»⁵.

Мое настоящее положение очень похоже на то, в каком я был при оставлении мирской жизни. Многие судили и рядили о нем; но редкие – при правильном взгляде на предмет. Отречение от мира может ли быть понято, истолковано теми, которые вполне пленены миром, погружены умом, сердцем, телом в наслаждение мира? Учение отцов Церкви извлекло меня из мира: оно помогало в терпении скорбей от мира: оно зовет в уединение, чтоб там всмотреться в вечность прежде вступления в ее неизмеримые области. Читаю, вижу в себе, что, побыв в уединении, сделаюсь окончательно неспособным ко всякого рода наружным должностям!.. Уединение действует как отравя: умерщвляет.

Вы являете столь обильное расположение ко мне, что я считаю излишним просить Вас о чем-либо. Открывая пред Вашим Высокопреосвященством мое состояние по душе и телу, я предоставляю все прочее на Ваше рассуждение. Вы, как имеющий практические духовные сведения, столь чуждые людям одного лишь светского образования и направления, можете оказать мне существенную помощь, сообщив моим обстоятельствам направление, соответствующее моим целям, облегчить мне стремление к ним, а потому и самое достижение их. Этим сделаете мне благодеяние неземное, благодеяние, столь достойное Святителя Христова, благодеяние, которому награда – на небеси!

Испрашивая Ваших святых молитв и Архипастырского благословения, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности имею честь быть и проч.

1847 год.

Письмо 5

Преосвященному Леониду (Краснопевкову), епископу Дмитровскому. О нападках на христианство и другие вопросы

Ваше Преосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Позвольте просить милостивого внимания Вашего к подателю сего письма, Алексею Петровичу Брянчанинову, моему родному племяннику, единственному сыну моего брата, здешнего Начальника Губернии. Алексей Петрович желает вступить в Московский Университет. Не откажите ему в полезных наставлениях, в которых всегда нуждались молодые люди, а теперь, при умножении соблазнов, еще более нуждаются. Мой брат – самый религиозный человек; старался воспитать сына в страхе Божиим, а теперь, отпуская из-под своего личного надзора, поручает его Богу и Божиим служителям.

Московские журналы открыли войну против монашества. Они называют его анахронизмом. Надо бы говорить откровенно, и сказать, что христианство становится анахронизмом.

Смотря на современный прогресс, нельзя не сознаться, что он во всех началах своих противоречит христианству и вступает в отношения к нему самые враждебные. Это видят на самом опыте сельские священники: положение священников, особливо благонамеренных, становится самое трудное. Все это видит Бог.

Да совершится воля Божия! Да покроет нас милость Божия.

[...] Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшего уважения и преданности имею честь быть.

Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

4 января 1960 года.

Письмо 6

О русском переводе Священного Писания и о других вопросах

Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец! Примите мое усерднейшее поздравление с наступившею Всесвятою Пасхою, мое усерднейшее желание Вашему Преосвященству всех истинных и совершенных благ и всерадостное приветствие: Христос Воскресе!

Сегодня имел истинное удовольствие получить письмо Ваше от 30 марта и приношу Вам искреннейшую благодарность за милостивейшие заботы Ваши о моем убогом Слове. Сердечно радуюсь, что Слово Божие будет в общем употреблении на русском языке. Сего же дня получил я из Петербурга письмо от одного знакомого, который пишет, что высылает мне вновь изданное Евангелие. Слава Богу! Кажется, Дух Святой, сообщив апостолам в день Пятидесятницы знание языков, со всею ясностию указал волю Божию, состоящую в том, чтоб Слово Божие имелось и провозглашалось на всех языках...

На четвертой неделе Великого поста я очень болел летучею оспою. [...] Болезнь моя была очень сильна; упадок сил – необыкновенный. Пасхальную неделю провел в постели; на ней провожу и теперь большую часть времени. Весьма благодарю Вас за известие о Высокопреосвященнейшем Митрополите. Всеблагий Господь да подкрепит его силы в настоящее трудное время, в которое начинают заигрывать многоразличные бури. [...]

Поручая себя Вашим Святым Молитвам и о Господе любви, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

19 апреля 1960 года.

Письмо 7

О монашестве

Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь!

Приношу Вам искреннейшую признательность за милостивое воспоминание Ваше обо мне и усерднейшее поздравление с наступившим праздником Рождества Христова и наступающим Новым годом, который желаю Вам препроводить в вожделенном здравии и благополучии.

Спаси Вас Господи за любовь Вашу к монашеству. Многие ныне жалуются на него, видя или отыскивая в нем разные недостатки; но монашество – барометр, который, стоя в уединенной комнате, со всех сторон замкнутой, с точностью показывает состояние погоды на улице. Старые здания должно

исправлять с большою осмотрительностью и знанием дела: иначе исправление может превратиться в разрушение. Буди воля Божия!

Прося Ваших Святительских молитв в подкрепление моих немощей душевных и телесных, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим слугою

Епископ Игнатий.

27 декабря 1865 года

Письмо 8

Состояние образованного общества и духовенства того времени

Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь!

Вы не ошиблись, почтив меня уведомлением о предоставлении Вам Епископского сана! Я искренне порадовался этой вести и уповаю на милость Божию, что Вы будете проходить великое служение, на Вас возлагаемое, во славу Божию, для существенной пользы Святой Церкви.

На Вас лежит великая обязанность: примирять главные сословия отечества, которых разрознило европейское учение. Влиянию этого учения много подчинились и духовенство и дворянство. Я читал с ужасом январские и мартовские статьи Казанского «Православного Собеседника», в которых столкновение сословий выражено очень ярко. Церковь и духовенство пострадали, страдают и, кажется, должны пострадать от европейских учений, а не от какого-либо сословия. Я видел в Петербурге купцов, погостивших в Европе, и подивился тому удалению, той дикости, которую они начали являть к Церкви и духовенству. Видел там детей священнических, образованных по-европейски: то же самое! Здесь я познакомился с белым духовенством гораздо более, чем был знаком в Петербурге, и нахожу, что между ними имеются самые добрые люди, что все вообще духовенство может быть направлено прекрасно, что оно очень девственно, что его погрешности и недостатки более грубы, нежели глубоки. Воля Ваша: нужно воспитание и направление более определенные. Труды на этом поприще принадлежат Вашему Преосвященству. Вы очень близко ознакомились с духовенством и с духовным сословием: Вам ясны те средства, при помощи которых оно может быть удовлетворено и сближено с другими сословиями, что необходимо для пользы Церкви, для пользы общественной. Благодарю Бога: здешнее духовенство являет ко мне особенное расположение, но я стар, сформировался в монастыре и для монастыря, не могу проникнуть в быт духовенства так, чтобы я мог судить о нем вполне основательно.

Поручая себя Вашей братской о Господе любви Вашим святым молитвам, с искренним желанием Вам всех истинных благ, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

Письмо 9

О монашестве, духовном подвиге и об образовании юношества в духовных училищах

Ваше Преосвященство,
Милостивейший Архипастырь!
[...]

Приношу Вам искреннейшую признательность за попечения Ваши о «Слове о смерти». Со мною часто беседуют о смерти мои недуги. Назидательна эта беседа! После нее мир со всеми его событиями представляется совершенно в ином виде. Око странника смотрит иначе, нежели око постоянного жителя.

Порадовали меня сведения, начертанные в письме Вашем об Угрешском монастыре. Спаси Господи отца Пимена, употребившего и употребляющего все свои способности во Славу Божию! Ныне трудно найти монастырь благоустроенный! Во многих обителях воздвигаются различные здания значительных размеров, которые дают обители вид как будто процветания. Но это обман для поверхностного взгляда. Самое монашество быстро уничтожается. Душевный подвиг почти повсеместно отвергнут; самое понятие о нем потеряно. Этого мало! Во многих обителях совершенно потеряна нравственность. Говорю так, имея под глазами самое печальное зрелище – Черноморскую пустынь, монастырь с весьма значительными средствами, расположенный на весьма уединенном месте. Имеются в здешней епархии два женских монастыря: в них нравственность хороша, но телесный труд и многопопечительность о вещественном развитии уничтожают душевное развитие.

Искренне желаю, чтоб реформы по духовным училищам достигли благих результатов. Весьма полезно воспитанников духовных училищ удалять, по возможности, от соблазнительных впечатлений мира и самому образованию дать характер более сильный и определенный, чтоб образование действовало не только на ум, но и на сердце, чтоб образованный в духовном училище воспитанник получал решительный характер православного христианина, приготовившегося служить Церкви от всей души. У нас выходит воспитанник с каким-то неопределенным направлением: он желает получить священническое место, если оно выгодно; если, по случаю, представится более выгодное место в приказных, то он нисколько не останавливается принять его. При беседах всегда слышишь на первом плане мысль о выгоде. Необходимо подробное преподавание Церковной истории, чтоб воспитанники имели понятие о характерах исторических лиц и сами формировались по характерам истинных служителей Церкви. От преподавания, действующего исключительно на ум, происходит холодность к церковному делу и является по преимуществу материальное направление. По причине этой холодности у нас почти нет монашествующих из воспитанников семинарий. Неидут в монастыри!

Не ощутили расположения к самоотвержению, к духовному развитию. От этого монастыри в большом упадке, будучи пристанищем для одной неграмотной ревности. Если б воспитанники семинарий шли в монастыри, они были бы совсем в другом положении. Буди воля Божия! Ничего не сделаешь против попущения.

Поручая себя Вашим святым молитвам, с чувствами искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугою

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
22 июня 1859 года.

Письмо 10

Состояние духовенства и мирян того времени

Преосвященнейший Владыко, Милостивейший Архипастырь и Отец!

С сердечною радостью и благодарностию прочитал я письмо Ваше от 25-го мая, письмо уже Епископа, и пожелал Вам из глубины души моей всею полнотою моего желания истинных и вечных благ и даров, свойственных истинным рабам и ученикам Христовым. Благодарю Вас и за святую икону, которая будет мне постоянно напоминать о Вас. Не прерывайте любви Вашей ко мне: я странствую по пути земной жизни весьма одиноко.

Ныне очень трудно найти истинного слугу Божия, хотя по наружности никакое время не обиловало так в слугах Божиих, как обилует наше время, провозглашающее о своей положительности⁶. Есть много ведущих Бога и угодных Богу по свидетельству человеческому, но трудно найти засвидетельствованного Богом боговедца и богочтеца. Свидетельство Божие ясно, как солнце, но мир слеп и потому не видит свидетельства Божия; не видя свидетельства Божия, он заменяет свидетельство Божие свидетельством своим и мнит удовлетворяться. Как хорошо поступали наши древние отцы Церкви Православной! Они, обучившись наукам человеческим, воспринимали на себя иго Христово и на поприще самоотвержения, под руководством Креста Христова, научались Божественной премудрости, и соделывалась для них человеческая ученость уничиженною рабою, которую они употребляли в услужение Божественной премудрости для преподавания этой премудрости своим ближним.

Книжник, научившийся Царствию Небесному, может износить из себя и ветхое и новое, покорив ветхое новому и приспособив к нему; а ненаучившийся, очевидно, может износить только одно ветхое, которое есть смерть и вражда на Бога, которое производит и на ближних свойственное себе впечатление, хотя бы и говорили им о Боге, хотя бы и чесало слух души, возбуждая в ней тончайшее прелюбодейное движение страстей, признаваемое многими за действия благодати. Спаси нас, Господи! Гибнем от себя, возлюбив собственные свои учения и отвергнув или мало ценя учение, ниспосланное нам Богом.

В настоящее время совершаю путешествие по западной половине моей епархии, по Черноморию, не так растленному, как другие места. Но и сюда проникло европейское просвещение с блудом своим, а о казенных крестьянах и говорить нечего. Чиновники у них голые и голодные, кончили курс в разных университетах, веруют, кажется, в одни деньги; на корне зла вырастают все ветви зла. Что из этого будет? По всей вероятности, такие, кончившие курс в университетах, вскорости сделаются правителями и руководителями всего простого народа. Вот Вам результаты, весьма скромно высказанные, практических взглядов на русскую землю.

Поручая себя снова Вашей Отеческой и братской любви, прося Ваших Святых молитв с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
Тамань.

Письмо 11

К епископу Феофану Затворнику. К вопросу о природе Ангелов и совет епископу Феофану без призвания Божия не оставлять кафедру

Ваше Преосвященство, Милостивейший Архипастырь и Отец!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за откровенное письмо Ваше от 29 мая. Отвечаю на него с такою же откровенностью.

По вступлении моем в жизнь аскетическую и, потом в монастырь, хотя и случались со мною разные опыты, свойственные этому пути, но о душе и духах я имел понятие неопределенное, признавая и называя их по общему поверхностному пониманию бесплотными и невещественными; нужды входить в дальнейшее рассматривание не представлялось. Вступил я в монастырь в 1824-м году, а начал заниматься Писанием и отцами гораздо раньше, можно сказать с детства. С 1843 года, независимо от меня, необходимость заставила вникать подробнее и точнее в значение души и сотворенных духов. Справедливо сказал Антоний Великий, что это познание крайне нужно для подвижников. Особенно нуждаются в нем те подвижники, которые в подвиге своем введены перстом Божиим в брань с духами. Да и для всех оно имеет существенную пользу: лучше ознакомиться с миром духов прежде смерти, нежели при наступлении смерти, как ознакомились многие к величайшему удивлению и ужасу своему, в противность понятиям, заимствованным у западных мечтателей. Опыт доказывает верность учения Отцов со всею решительностью. Темное и загадочное делается очень ясным и простым. Что ж касается до слова «эфир», то химия называет этим словом материю, совершенно отличную от газов, принадлежащих земле, несравненно тончайшую, но неопределенную, вовсе неизвестную человекам. Существование же ее признается по той необходимой причине, что пространство за земною атмосферою, как и вообще всякое пространство, не может быть чуждым материи. В собственном смысле – невеществен Один, необъемлемый пространством – Бог. Духи сотворенные бесплотны по отношению к нам. Но естество их, как и естество души, пребывает неопределенным для нас по невозможности определить его. Наука признает невозможным определение нашего тела, равно как и всех тел, имеющих органическую силу – жизнь. Мечта Декарта о независимости духов от пространства и времени – решительная нелепость. Все ограниченное по необходимости зависит от пространства.

Паства Ваша пользуется обильно назидательным словом и примером Вашим. Если Промысл Божий поставил Вас на свещнике, – зачем сходить с него без призвания Божия? Может быть, в свое время, откроется это призвание! Может быть все обстоятельства единогласно выразят его! Тогда оставите мирно кафедру Вашу, тогда уйдете мирно в келлию – преддверие вечности. Пребывая в келлии, не будете тревожиться мыслию при келейных искушениях, что эти искушения последовали за предупреждение воли и указаний Божиих. Простите за слово любви!

Поручаю себя Вашим Святительским молитвам. Силы мои и здоровье оскудели до крайности, до невероятия; но Милосердый Господь отлагает призыв на Суд Свой, ведая мою неготовность и даруя время на покаяние. С чувствами и проч. Ваше Преосвященства Милостивейшего Архипастыря и Отца покорнейшим послушником

Епископ Игнатий.

4 июня 1865 года.

Письмо 12

К игумену Илларию, настоятелю Николо-Угрешского монастыря. Утешение о постигшем искушении

Ваше Высокопреподобие!

Возлюбленный о Господе Отец Игумен Илларий! Письмо Ваше от второго октября получил, – и сердечно пожалел я Вас, – тем более, что Вы испиваете ту чашу, которую пришлось бы мне пить, если бы Промысл Божий не отклонил меня от Угрешской обители. Но, Вы сами знаете, где ни жить на земле, а искушения сносить должно. По-видимому, искушают нас человеки, но они без манования Промыслителя и коснуться бы нас не могли. Так будем в скорбях наших предавать себя воле Творца нашего и себя почитать достойными скорбей – и почием.

Исхождение из искушения не есть переменение мест, но предание себя воле Божией и самоукорение и от сих терпение. Когда будем очень унывать от искушений и роптать на оные, то опасность та предстоит, чтоб не сделаться богоборцами, сказал один святой отец, как явно вооружающимися против попущений Промысла Божия, к нашей великой пользе и врачеванию попускающего нам искушаться. Простите, Батюшка! Я Вам, как себе, говорю: ибо я весьма часто скорблю, от своих похотений и страстей влеком и прельщаем, и зачехли рождая грех ропота и малодушия и гнева, – и тогда только обретаю покой, когда предаю себя всецело воле Божией. Когда же забуду славословить Господа за все благодеяния Его и предавать себя Его всесвятой воле и Промыслу, – тогда паки поднимается буря и душа опять находится в опасности потопления в волнах малодушия и боязни. Если Вы скорбите, то недалече стезя Ваша от стези угольников Божиих, кои шествуя посреди многих скорбей и окровавляя ноги свои, достигли

Града Небесного Иерусалима, в коем не слышатся воздыхания скорбящих, но раздаются гласы непрестанного радования Наследников Царствия Небесного, наследовавших оное скорбями многими.

Отложим, отложим, Батюшка, желание безвременного покоя на земле, дабы получить оный во время, то есть по смерти. Уготовим сердце, воспринять скорбь как от руки Божией, со благодарением и славословием. И еще потерпите в Вашей настоятельской должности, доколе будет можно. В совести Вашей Вы чувствуете, что монастырь не Вы разорили, а напротив, сколько было сил Ваших и умения поправили. Владыке, может быть, показалось тяжело глядеть на развалины монастыря, но он, как человек благоразумный, весьма может понять, что Вы устраивали подворье, как источник дохода, а из сего источника уже будете поправлять монастырь. И Москва не разом построилась! сказывают, будто есть таковая пословица.

Если же увидите по самой вещи, что невозможно Вам оставаться Начальником Угрешской обители, то ворота в Сергиеву пустынь Вам отверзты и о. Петру, – если Господь потерпит грехам моим и буду еще Сергиевским Настоятелем. Но лучше мой совет и еще потерпеть, доколе можно, – и обновлением и устройением монастыря оправдать Ваше избрание. Знаю малым моим опытом, каково разоренные монастыри поправлять. И здесь в Сергиевой с первого года тысячу из собственной кружки отложил на монастырь, а последние два года, и совсем почти кружки не беру, а всаживаю в монастырь. И при всем том, куда ни помотришь, везде гнило, да валится.

Простите, Любезнейший Батюшка, потрудитесь, ответьте мне на письмо сие, как Вы решитесь. Прося Ваших молитв Святых, имею честь быть Ваш покорнейший послушник

Архимандрит Игнатий.

6 октября 1837 года.

Письмо 13

Настоятелю Валаамского монастыря Игумену Дамаскину. О своем намерении уйти на покой и поселиться на Валааме и о других вопросах

Ваше Высокопреподобие. Честнейший Отец Игумен Дамаскин! В сих строках продолжаю мою беседу с Вами, начатую в святой обители Вашей. По приезде моем в Санкт-Петербург, был я у Его Высокопреосвященства Митрополита Никанора. Он хотя ничего не сказал определенного относительно помещения. С моей стороны, намерение мое оставить настоятельство, к принятию которого я вынужден был необходимостью, есть намерение решительное. Остаток дней моих желал бы провести в Валаамской обители; только в случае невозможности поместиться в ней имею в виду Оптину Пустынь. Последняя представляет больше выгод в материальном отношении: там климат гораздо благорасстроен, овощи и плоды очень сильны и в большем количестве, но Валаам имеет бесценную выгоду глубокого уединения. Сверх того, сухие и теплые келлии (так как я из келлии выхожу только в хорошие летние дни, а весною, осенью и зимою почти вовсе не выхожу) могут и в материальном отношении много облегчить для меня пребывание на Валаамском острове.

Посему предоставив Самому и Единому Господу исполнить во благих желание раба Его и устроить мою судьбу по святой Его воле, с моей стороны считаю существеннейшею необходимостью для благого начала и окончания этого дела войти в предварительное объяснение, а за объяснением и соглашением с Вами, Отец Игумен. Как лично я Вам говорил, так и теперь повторяю, что все доброе, все душеполезное, которое по милости Божией может произойти от сего начинания, вполне зависит от нашего единодушия о Господе, то есть единодушия Вашего и моего. Господь, сказавший Своим ученикам в окончательные минуты Своего земного странствования: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам*⁷, силен и нам даровать Свой мир, если мы будем учениками Его, стремясь исполнить Его волю, а не свою. На сем камени мира, который сам утверждается на камени заповедей Христовых, основываясь, имею честь представить на благоусмотрение Ваше следующие мои рассуждения.

Во-первых, скажу Вам, что из всех известных мне Настоятелей по образу мыслей и по взгляду на монашество, также по естественным способностям, более всех прочих мне нравятся Вы. К тому надо присовокупить, что по отношениям служебным как я Вам, так и Вы мне давно известны. Сверх того я убежден, что Вы не ищете никакого возвышения, соединенного, разумеется, с перемещением в другой монастырь, но остаетесь верным Валаамской обители, доколе Сам Господь восхощет продлить дни Ваши.

Далее: как я выше сказал, по моей болезненности долговременной и сообразно ей сделанному навыку, я выхожу из келлии только в лучшие летние дни, а в сырую погоду и холодную пребываю в ней неисходно: то посему самому жительство в скиту было бы для меня более сродным и удобным. Сама тишина скита, в который навсегда воспрещен вход женскому полу, совершенно соответствует требованию моего здоровья и душевному настроению. Скит защищен отовсюду деревьями от ветров: это бы дало мне возможность поработывать хотя в летние дни, что существенно нужно по моему геморoidalному расположению; на ветру же я не способен трудиться, потому что при малейшем движении от крайней слабости покрываюсь испариной и подвергаюсь простуде. При Вашей опытности, Вам понятно, что вслед за помещением моим в Скит, многие захотят в оный поместиться. Следовательно, если Вам внушит Господь расположение поместить меня в Скит: то необходимо Вам снизойти немощи моей и, может быть, и других, подобных мне немощию. Испытав себя, я убедился, что одною растительною пищею я поддерживать сил моих не в состоянии, делаюсь способным только лежать в расслаблении.

И Вы, конечно, замечаете, что и братия, в настоящее время живущие в Скиту, отягощаются такою малопитательною пищею, и к обеду наиболее приходят в монастырь. Удобное прежнему крепкому поколению соделалось неудобным для настоящего немощного поколения. Поелику же Вам не безызвестно, что суббота, пост и прочие внешние подвиги и наблюдения установлены для них, то не заблагорассудите ли ввести в Скит Валаамский постановления Оптинского скита, основательность которых и благоразумная сообразность с немощию настоящего поколения доказывается тем, что Оптин Скит – изобилует избраннейшим братством, весьма много способствующим к цветущему благосостоянию скита и самого монастыря. Это избранное братство состоит из нескольких Настоятелей, живущих на покое, и из нескольких лиц образованного светского круга. Будучи слабее телосложением, нежели простолюдины, они неспособны к сильным телесным трудам и подвигам, за то способнее к подвигу душевному и к занятиям, требующим умственного развития. Вам известно, что святыми Отцами подвиг инога судится потому, что он имел в миру и к чему он перешел, вступая в монашество; по этому расчету лица вышеупомянутые, живущие в Оптином Скиту, перешли к большему лишению, нежели те, которые в монастыре имеют, пожалуй, пищу и одежду лучше, нежели какие они имели в миру. Так же Вам известно, что Отцы древнего Скита Египетского не считали уже того подвига, подвигом, о котором узнавали люди, а оставляли этот подвиг, вменяя его в грех (патерик скитский буква С в статье о Сисое Великом).

Так думали и поступали святые отцы, желая приносить себя в жертву всецело Богу, а не человекоугодию и тщеславию. С сожалением я увидел, что некоторые журналы провозгласили печатно о строгости поста в Валаамском Скиту в решительную противоположность Евангелию, которое повелевает, чтоб пост и прочие подвиги благочестия совершались в тайне⁸, не только совершались в тайне, но и были скрываемы со всевозможною тщательностию. <...> Св. Василий Великий и, согласно с ним, другие святые Отцы утверждают, что если б нужно нам было иметь расслабленные тела, то таковыми сотворил бы их Бог; почему они заповедают меру поста именно таковую, какая необходима для обуздания плотских страстей, которая вместе с тем не расстроивала бы тех, но сохраняла их способными к исполнению заповедей Христовых или, проще сказать, к послушаниям и подвигам бдения, молитвы и коленопреклонений, к чему расслабленные тела окончательно не способны. Все сие предлагаю, Возлюбленнейший Отец; на рассуждение Ваше, дабы Вы и подвиглись к нисхождению моей немощи и подобных мне немощию.

Если нынешняя братия Валаамского скита, состоящая единственно из простолюдинов, не в состоянии поддерживать силы свои исключительно растительною пищею, а для укрепления сил своих стремится к трапезе монастырской, то для истощенного моего телосложения и для телосложения людей неясного воспитания, питание одною растительною пищею вполне невозможно.

Сначала и в Оптином Скиту ревность учредителей его устремлялась было к особенному строгому посту; но усмотрев, что при такой строгости Скит должен остаться без братии, она смягчилась и дала устав для пищи более доступный, впрочем все еще гораздо более строгий, нежели устав о пище, положенный церкви для схимника, живущего в монастыре. Однако, несмотря на таковое смягчение, мало, очень мало было охотников из многочисленного братства Оптиной Пустыни для жительства в Скиту. Когда прибыл туда старец Иеросхимонах Леонид с несколькими учениками своими и Настоятель предал ему Скит в духовное управление, – тогда скит начал населяться, и населяться преимущественно людьми некрепкого телосложения, искавшими спокойствия в уединении. Число жившей в нем братии простиралось до 30 человек.

Всему этому, то есть состоянию скита до прибытия о. Леонида и состоянию его по прибытии Старца, я был очевидцем. Старец распростер благотворное влияние на сам монастырь, поддерживая братию в расположении к настоятелю и укрепляя их в душевных бранях. Такое

обилие окормления удвоило число братства в самом монастыре, а потому возвысило в нем порядок и привлекло в оный значительные пожертвования, при помощи которых монастырь отстроился и сверх того обеспечил свое. Потому говорю я Вам так подробно об Оптином Ските, что цветущее его состояние и происшедшее от него благоустройство самого монастыря суть факты, а факты составляют самое верное доказательство.

Что же касается до самого общежития, то есть самого монастыря Валаамского, то я нахожу настоящее его устройство первым в России, далеко высшим знаменитых общежитий Белобережского, Площанского, Софрониевского, даже Оптинского и Саровского: потому что в этих монастырях, гораздо более близких к миру, иноки имеют несравненно более средств сноситься с миром, заводить с ним связи, иметь свое, и тем отделяться от общего тела общежития. Общежитие Валаамское должно оставаться на долго в настоящем его виде: оно необходимо для натур дебелих, долженствующих многим телесным трудом и телесным смирением, косо, как выражается святой Иоанн Пророк, ученик Великого Варсанофия, войти в духовное, или, по крайней мере, душевное делание. В материальном отношении братия Валаамского монастыря снабжены несравненно обильнее вышеупомянутых общежитий и одеждою, и пищею. В Пасху там братия не кушают такой ухи, какую кушают Валаамские иноки в обыкновенный недельный день, также и одеждою братия Валаамского общежития снабжены гораздо удовлетворительнее, нежели братия означенных общежитий.

Начертав пред Вами состояние Валаамского Монастыря и Скита, какими они представляются моим взорам – взорам, впрочем, очевидца их – я перехожу теперь к начертанию моего грешного и недостойного лица пред сими св. Обителями. Вам известна моя немощь, – мое происхождение и нежность воспитания. Для них принятие и того устава, который я Вам предлагаю по образцу Скита Оптиного, есть уже великий подвиг и распятие. Предприятие чего-либо большего превышает мое соображение. «Да не смятении и отсечении житие твое, – говорит Преподобный Исаак Сирский в 80 слове. – И за вожделение мала труда да не останешься и престанеши от всего течения твоего. Яждь умеренно, яко да не всегда еси, и да не простреси ноги твоей выше силы, да не отнюдь праздней будеши».

За сим не угодно ли будет Вам обратить внимание на главу 36-ю иноков Каллиста и Игнатия «О рассуждении»⁹, положенную ими сряду – после изложения телесных подвигов и уставопигция, подобающих безмолвствующим. Надо заметить, что овощи и плоды средней России несравненно сильнее северных, а произведения южной России столькоже сильнее среднеполосных; плоды же и овощи Цареграда и Афона, где жили Св. Каллист и Игнатий равняются питательною силою рыбе северных краев и даже превосходят ее. «Тело немощное, – сказал святой Исаак Сирский в 85 слове, – егда понудиши на дела многша силы его, помрачение на помрачение в душу твою и смущение тем паче наносиши». Все сие представляя на благоусмотрение Ваше, прошу Вас снизойти к моей немощи и единомудушных со мною братии, которым подвигов общежития не понести, и которые могут понести подвиг скитский, по растворении его благоразумною умеренностию. Тем более кажется, настоящего случая не должно упускать, что всячески, по прошествии непродолжительного времени, должно же будет учинить упомянутое снисхождение и изменение в уставопигции скитском, иначе никто не будет жить в скиту. Стали немощны Батюшка! Притом, как я выше сказал, устав Оптинского Скита «о пище» строже положенного Церкви для схимника. Так, когда положено уставом употребление рыбы, она поставляется на трапезе; кажется, в течение сорока дней в году разрешается на сыр и яйца, масло скоромное и молоко. Как в Валаамском общежитии не употребляется молоко, то и в скиту не должно вводить его; а прочее все полезно бы ввести как для пользы телесной, так и для пользы душевной: ибо и св. Иоанн Лествичник вкушал от всего, дозволенного чину иноческому, с целию избежать душевных страстей тщеславия, мнения о себе, человекоугодия, тайноядения, лицемерства, лукавства, лжи, которые часто являются у подвижников по плоти и

соделывают для них духовное преуспеяние решительно невозможным. Бог является простоте и смирению и нельзя соединить служение Ему со служением славе человеческой.

Чувствую себя, по приезду в свой монастырь, столько же немощным, как чувствовал в бытность мою в святой обители Вашей. Но при удалении моем от должности и при перемещении в уединение Вашего Скита, может быть по особенной милости Божией, дастся мне время на покаяние и я потяну несколько годов. В таком случае Валаамский Скит может понаселиться расположенными ко мне иноками, как населился Оптиный при пришествии туда о. Леонида.

На сие письмо мое покорнейше прошу ответа Вашего, сообразно ему буду заботиться о дальнейшем устройении сего дела. С понедельника думаю отправиться в Ладожский монастырь недели на три.

Вашего Высокопреподобия всепокорнейший послушник

Подлинное подписал *Архимандрит Игнатий*
25 сентября 1855 года.

Письмо 14

Увещание смириться с перемещением на жительство в Оптину

Ваше Высокопреподобие!

Честнейший Отец Игумен Варлаам!

Честнейший отец Варлаам! Нет! не гнушаюсь я арестантами, как Вы пишете в письме Вашем, зная, что и я во узах греха нахожусь. А таковой арест, то есть греховный, есть самый поносный, – только о таковом аресте монаху и тосковать и заботиться можно и должно, яко срам его и муки его вечны, аще человек покаянием уз греховных не расторгнет заблаговременно.

Притом – Вы в Оптиной не под арестом, а в числе братства. Господь, питавший Вас на Валааме туне, и здесь питает; а возлюбленный брат о. Иоанникий сообщил мне, что как чаю, так и прочих потребностей Вы не лишены, и о. Игумен Моисей по свойственной ему мудрости Вами отнюдь не отягощается. Единое остается Вам – оставя все земные попечения, готовить душу ко исходу от телесной храмины в жилище Небесное. Паки изволите писать в письме Вашем: хочется узнать – на время или навсегда Вы посланы

в Оптину Пустынь? Отвечаю: в Указе Синодском ничего не сказано о времени, но за достоверное известно, что, где ни будем на земле, на Валааме ли, в Оптиной ли, повсюду гости, повсюду странники, повсюду пришельцы, повсюду на время. Оно же всегда ожидает нас в вечности; там всегдашняя радость или всегдашняя мука.

Советующие Вам опытейшие старцы весьма здраво советуют оставить земные хлопоты и тяжбы судебные, в кои когда увидит сатана впадшего монаха, то вельми о нем радуется, яко о презрителе заповеди Христа Спасителя, Который чрез Апостола Своего вопиет: *Уже убо отнюдь вам срам есть, яко тяжбы имате между собою. Почто не паче обидами есте, почто не паче лишены бываете*¹⁰.

И тот совет самый мудрый, что Вы против воли в Оптину высшим начальством посланы, а потому благо и полезно Вам волю свою преломить и, воле Божией отдавшись, с благодарением переносить малое искушение Ваше, если только оно искушения имя заслуживает. Неужели Вы думаете, что рука человеческая, как-либо утаившись от Промысла Божия, могла что-либо с Вами сделать? Сохрани Боже от такой хульной и нечестивой мысли! Сего ради св. Петр Дамаскин противящихся находящим против воли искушениям называет Богоборцами, от чего да сохранит нас Господь. Если спросит кто от здравомыслящих, от кого пришла начальству мысль переместить Вас в Оптину? Ответствуйте: от Бога. Самые в России опытные старцы Вам теперь сожительствуют и могут Вам подать назидательный совет и обильное утешение. Следовательно, кто, как не Сам Господь, мог Вас поместить к источнику спасения? Но увы! Велика слепота наша! Промысла Божия не усматриваем, и с человеками препираемся, и время драгоценное на покаяние нам данное, все изнуряем; сего ради мир и от него прозябающие духовные дарования удаляются от сердца нашего. А смертный час вблизи от нас! – ожидает нас нелицеприятный суд, на коем правды наши судимы будут. Святые присно зрят делание свое недостаточным, и, как некто из них сказал, вменяют себя не исполнителями, а сквернителями святейших заповедей Господних; сего ради, егда искушение придет, радуются, яко скорбию невольною пополняется недостаточество их деяния, и убеляются их ризы для непостыдного вшествия на брак духовный дверию смерти. Довольно, довольно о земном попеклись, довольно времени утратили, – нынешний день единонадесятый час для приготовления к вечности употребим; ропотливые и хлопотливые гласы наши изменим в гласы благодарения и хваления, яко ведомыми судьбами Господь спасение наше соделывает, и малыми скорбями, ниже имя скорби

заслуживающими, смиряет нашу выю, и за единое преломление слепотствующей воли нашей и покорность Его всепремудрому Промыслу венчать нас хочет.

Помня, возлюбленный о Господе о. Варлаам, любовь Вашу и простоту, как Вы у нас пребывали в Сергиевой пустыни, сии скудные строки Вам написал в утешение, а себе в обличение; глаголю бо и не творю. Примите от меня небольшой подарок на память, который пересылаю Вам через о. Иоанникия.

Прошу Ваших святых молитв и остаюсь навсегда с любовью преданный многогрешный

Архимандрит Игнатий.

11 февраля 1840 года.

Письмо 15

К батюшке отцу Макарию Оптинскому. О значении Московского Митрополита Филарета в издательской деятельности Оптиной пустыни и других предметах

Ваше Преподобие

Достопочтеннейший Старец о. Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за воспоминание Ваше о мне грешном и поздравление с великим Праздником Праздников, Воскресением Христовым, с которым и я Вас равномерно поздравляю, желая Вам и всей Вашей о Господе братии здравия и спасения.

Приношу Вам благодарность за экземпляр вновь изданной книги преподобного Феодора Студита. Сообразно тому, как Вы изволите писать, Высокопреосвященнейший митрополит Московский Филарет благоволил написать мне, то он желает напечатания книги преподобного Исаака Сирского. Все монашество обязано благодарностию этому архипастырю за издание отеческих книг Оптиною пустынею. Другой на месте его никак не решился дать дозволение на такое издание, которое едва ли уже повторится. В свое время книги, изданные Вашею обителию, будут весьма дороги и редки. Я совершенно согласен с Вами, что для монашества, которое жительствоует по книгам святых Отцов необходим точный перевод с подлинников посредством лица, вполне знающего монашескую жизнь. Таковым лицом, без сомнения, был старец Паисий. Русские же переводы не имеют этого достоинства. Заключу сии строки покорнейшею моею просьбою к Вам о разрешении Наталии Петровны выслать к нам по 12 экземпляров Феодора Студита и Симеона Нового Богослова, всего 24 экземпляра с означением цены за них.

Препроводительные при сем записочку и деньги потрудитесь передать старцу схимонаху Леониду. Поручая себя Вашей отеческой любви и испрашивая Ваших святых молитв, с чувством искреннейшей преданности и уважения имею честь быть Вашего Преподобия покорнейшим послушником

Архимандрит Игнатий.

30 апреля 1853 года.

Письмо 16

О напечатании Оптиной Пустынью творений Святых Отцов

Ваше Преподобие, Достопочтенный и многолюбезный Старец Отец Макарий!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за милостивое воспоминание Ваше о мне, недостойном, и за присланную книгу. Все Русское монашество обязано особенною благодарностию Оптиной пустыне за издание многих творений Святых Отцов перевода старца Паисия, столь точно передававшего отеческие мысли. И перевод на русский язык монашеских отеческих писаний, по знанию монашеской жизни, гораздо удовлетворительнее совершается братьями обители Вашей, нежели перевод их людьми, чуждыми этой жизни.

Отец Архимандрит Моисей благоразумием своим и терпеливым ношением немощей ближнего привлек в недра обители своей избранное иноческое общество, которому подобного нет во всей России...

Потрудитесь передать мой усердный поклон о. Архимандриту Моисею, о. Игумену Антонию, о. Ювеналию и о. Льву.

20 июля 1855 года.

Письмо 17

Желание переселиться в Оптину пустынь из Сергиевой обители и другие вопросы

Прошу Ваших святых молитв, чтобы Милосердный Господь даровал и мне исторгнуться из челюстей мира и присоединиться к Вашему Богоспасаемому стаду, если есть на то Его Святая воля. Что же касается до меня, то самый ответ и убогое мое суждение убеждают меня постоянно в величайшей пользе и даже необходимости удаления из здешнего шумного места, которое и в нравственном отношении – точно село при пути. Все иноческое уничтожается здесь рассеянностью, все посеы стаптываются мимоходящими. Здесь то же на самом деле видно событие изложенных святым Исааком в 75 слове. Вижу справедливость их и на себе и на братии...

[...]

P.S. Здесь в лесах Тихвинского уезда открыт старец, живший в лесу более 50-и лет, в великом злострадании, претерпевший биение от бесов, и, как говорил мне некоторый весьма благоговейный инок, украшенный духовными дарованиями.

Письмо 18

О библиотеке святых отцов

Христос Воскресе! Ваше Преподобие, Преподобнейший и многолюбезный Старец!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим праздником и вместе с тем искреннейшую признательность за поздравление Ваше в драгоценном для меня письме Вашем от 30-го марта, так как и все письма Ваши для меня драгоценны, и при одном зрении почерка Вашего, прежде чтения самого письма уже чувствую в грешной душе моей утешение.

Желаю, чтоб мысленное серебро – библиотека святых отцов, собранная Голландом, – не лежала под спудом, но давала лихву богоприятную, обращаясь между людьми, способными заниматься ею, я рассудил лучше отдать это серебро на руки человеку, нежели приковать его к какому-либо месту, в коем оно очень легко может попасть под спуд – в шкаф и сделаться там пищею моли, мышей, без всякой пользы для людей.

Было время, когда Белые берега обиловали благонамеренными иноками, были времена, когда обиловала ими Пестуша, обиловала ими в свое время Площанская пустынь; теперь наступило время цвета для Оптиной; время цвета пройдет своей чередой, – процветут другие места, также на свое время; почему приковать книгу к месту я счел менее надежным, нежели поручить ее человеку. Надеюсь, что о. Ювеналий, попользовавшись ею, и попользуя ею Христианство, когда достигнет седин и изнеможения, то поручит ее благонадежному иноку, который опять будет держать в обороте мысленном серебро.

[...]

Испрашивая Ваше благословение и поручая себя Вашим св. молитвам, с чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Ваш покорный послушник

Архимандрит Игнатий.

13 апреля 1857 года.

Письмо 19

К рясофорному послушнику Оптиной пустыни о. Петру. О достоинстве книги преподобного Георгия

Преподобный отец Петр!

Приятнейшее письмо Ваше и при оном посылку с книгами получил. Премного благодарю за книги. Потому и беспокоил Вас покорнейшею просьбою о доставлении мне несколько экземпляров, что, прочитав присланную Вами книгу, усмотрел духовность ее и пожелал, дабы таковая душеспасительная книга была известна моему дражайшему братству. [...]

[...] Если же Вам угодно знать мое мнение о том, может ли книга писем святого Затворника получить премию, то Вам говорю мое мнение: не может, имея значительное достоинство духовное, а не имея плотского; ибо письма произнесены благодатию, не имея благоустройства человеческого слова. Слово же благодатное не может быть познано плотским человеком, который зрит только на внешность слова, и если сие внешнее слово не имеет внешнего устройства, то он всему ругается: юродство бо ему есть.

Прилагаемые при сем 50 рублей прошу принять яко ничтожную лепту для нового издания, – вместо желаемой Вами демидовской премии.

Прошу Ваших святых молитв.

7 августа 1839 года.

Письмо 20

К афонскому монаху Серафиму. О значении наставника в обучении умной молитве и о других вопросах

Ваше Высокопреподобие.

Возлюбленный о Господе отец Серафим! Сердечно благодарю Вас, что Вы на Святой Горе Афонской вспоминали о иноках, живущих близ шумной столицы, в монастыре, который тщетно называется пустынею. О постигших Вас скорбях я узнал отчасти от о. Архимандрита Иоанна, инспектора здешней Духовной академии. И кто из проплывающих житейское море не бывает орошен волнами его? Особенно если пловец – безответный инок.

Когда Вы были в Санкт-Петербурге, я сердечно желал видеть Вас наедине: потому что наедине надеялся побеседовать с Вами о глубинах монашеского жительства, вероятно, имеющего еще достойных делателей еще на Горе Афонской, несмотря на общее ослабление, которому подверглось монашество все и повсюду. Но я не сподобился сего: Вас сопровождало общество такого настроения, при котором должно, по наставлению некоторого

великого отца, скрывать таинственное монашеское сокровище. Вы молчали, потупя взор, как Израильтянин на Реках Вавилонских, а тот, кто сказал, хотя сказал и немного, увидел впоследствии, что сказал излишнее и неуместное. По сей причине, хотя я и имел счастье видеть Вас лицом к лицу, но знаю Вас единственно по прекрасной книге Вашей, и столько, сколько Вы захотели показать себя всей вообще читающей публике. Такое неудовлетворительное сближение с Вами меня огорчило; но я утешил себя мыслию, что Божий Промысл часто не допускает исполниться и таким желаниям нашим, которые по наружности кажутся благими. В заключение этого длинного предисловия, должен я сказать само собою вытекающую истину, известную всем, сколько-нибудь внимательным инокам: причина откровенности о предметах духовных – доверенность к наставляющему лицу, а доверенность к лицу внушается точным познанием лица. *Господи! К кому идем, – говорит святой Петр Спасителю. – Глаголы живота вечнаго имашши, и мы веровахом и познахом, яко Ты еси Христос, Сын Бога Живаго*¹¹. Напротив того: «Кому не извещается сердце, тому не открывай его», – говорит великий наставник иноков преподобный Пимен,

Египетский Пустынник. Судите ж сами: зная Вас так мало, какую могу я иметь степень доверенности к Вам? Итак, первый мой недуг, который я должен обнажить пред Вами, есть мое маловерие – маловерие не к самой умной молитве, нет! Это таинственное небо, на которое выходят одни чистые сердцем для Богозрения, видится очами ума моего, хотя и пребывает для них невидимым: оно скрывается от них чудною, прозрачною, непостижимую синевою своею, в которой они мнят видеть его. Я страдаю маловерием к Вам. Исцелите меня от этого недуга. Такое исцеление – дело возможное. Многие маловерные обратились в ревностно верующих: всемогущая истина совершила их обращение. И не обидьтесь моим признанием в маловерии к Вам! Лествичник говорит в 4-й степени: «Имуще о Господе выю свою подклонити разумом убо и словом смиренномудрия, соделаем известно спасение наше иному о Господе верить; прежде всхода, убо, аще кое лукавство и разум у нас есть, кормчаго онаго истязуем и испытаем, и, да тако реку, искусим: да не на корабленника яко кормчия, и на недугующаго яко на врача, и на страстнаго яко на бесстрастна, и на пучину яко на пристанище нападше, готово обрящем себе истопление».

Если это дозволяется и советуется святыми Отцами вновь вступающему в монастырь, то тем более оно позволительно и даже необходимо для укосневшего значительное время в монашестве, к сожалению, крайне малопродуктом. Опасен недостаточный наставник при обучении новоначального благим нравам и первым правилам монашеского жительства: тем опаснее он

для дерзающего слышать учение о великом таинстве умной молитвы, ведущей христианина к сокровенному, вместе существенному и вполне ощутительному соединению с Богом. Имеете ли Вы, возлюбленный отец, в виду опытного Старца в обителях Святой Горы, на духовный разум которого Вы могли бы положиться? Слово «духовный» употреблено мною здесь не слегка, как оно употребляется у новейших писателей, но в том смысле, как оно употреблялось святым апостолом Павлом, а за ним и всеми аскетическими писателями нашей Церкви, из которых Преподобный Григорий Синаит говорит: «Не всех бо есть наставить и инех, но имже дадеся Божественное разсуждение, по Апостолу, разсуждение духов, отлучающее горшее от лучшего мечем слова. Кийждо бо свой разум и разсуждение естественно или деятельно или художественно имать, а не все духовное» (смотри статьи о прелести, идеже и о иных многих предметах). Хотя мы и крайне омрачены по причине нашего слабого жительства, но признаем и исповедуем, что ни естественное, ни деятельное, ни художественное рассуждение не могут поднять выше чина душевного разума, как бы они ни были сильны и блестящи, даже благонамеренны и благочестивы¹².

Итак, имеете ли в виду духовного старца? Вот тот вопрос, который по милостивому дозволению Вашему представляет Вам мои вопросы, считаю начальным и первым из всех вопросов. И святые отцы признают таковым этот вопрос. «Прежде всех, – говорят они, – избери себе старца с совершенным, по священному тайноучению, отречением и повиновением непритворным и совершенным, сиречь потщися обрести наставника и учителя непрелестна»¹³. То же говорят почти все аскетические православные наставники, но большая часть из них жалуется на скудность истинных наставников. В XV веке, когда жил наш преподобный Нил Сорский, посетивший Афонскую Гору и заставший там рассадник умных делателей, насажденный преподобным Григорием Синаитом: тогда уже истинный наставник умной молитвы признавался важною редкостью, что ж сказать о нашем времени? Сердца всех привлечены, как и Вы находите и чему пример Вы видели в нашей пустыни, к внешней красоте; внутренняя духовная красота, а потому филокалия, содержащая учение о приобретении сей красоты, остаются в стороне. Впрочем, некоторые монашествующие у нас в России занимаются умною молитвою, и не без успеха. Таковых случалось мне видеть и беседовать с ними. Случалось видеть – увы! – прельщающихся и прельщенных, совлекаемых с прямого и истинного пути страстями душевными и телесными. Хотя я и должен сознавать себя прельщенным, убеждаясь в таковом бедственном состоянии многими во мне действующими страстями, которым, очевидно для совести моей, работаю явно делами и словами, неявно помышлениями и чувствованиями; однако признаю справедливым опасение впасть, а что еще хуже, самопроизвольно вдаться в большую прелесть. Свойственно тому, кто поражен многими болезнями, опасаться впадения в тягчайший недуг, свойственно тому, кто по шею погряз в болоте, стремиться, чтобы не уйти в него и с головою!

Затем, предложив Вам первый мой вопрос и понуждаемый самым окончанием листа к окончанию письма, прошу Ваших святых молитв на подкрепление многочисленных немощей моих, и – буду ожидать Ваших назидательных строк, которых не лишите Вашего покорнейшего послушника.

Сергиева пустынь.

10 июня 1851 года.

Письмо 21

К игумену Варфоломею. Автобиографические сведения

Преподобнейший и возлюбленный о Господе Отец Варфоломей!

Приятнейшее письмо Ваше к большому моему удовольствию получил. Простите меня за мою ленность, по причине которой не отвечал я Вам на последнее письмо Ваше, ко мне в Лопотов монастырь написанное. В сей обители Вологодской местоположение низменное, атмосфера наполнена гнилыми испарениями: – все сие вместе с большим вредом действовало на мое здоровье, при слабом состоянии коего был я до избытка обременен трудами телесными. Прошлого 1833-го года в мае месяце был произведен в игумены. Между тем Государю Императору, коего был я воспитанником, угодно было приказать, чтоб разыскали и уведомили Его, где я нахожусь. В то время указом Святейшего Синода был я переведен в Московский Николаевский Угрешский Монастырь. Государь Император повелел Митрополиту вытребовать в С.-Петербург и потом дал мне Сергиевскую пустыню, в которой нахожусь и поныне. При мне живет о. Михаил, и правит должность головщика на правом крылосе. Здоровье моего тела в здешней обители немного поправилось; видно еще Господь дает мне время на покаяние.

Затем простите, почтеннейший о. Варфоломей; поздравляю Вас с наступающими праздниками, прошу святых молитв и честь имею быть Вашим покорнейшим слугою и молитвенником

Архимандрит Игнатий.

17 апреля 1834 года.

Письмо 22

По поводу указа Синода об увольнении отца Варфоломея, совет прибыть в Синод для личного объяснения и о благодушном перенесении скорбей

Ваше Высокопреподобие,
Честнейший Отец Игумен Варфоломей!

Письмо Ваше от 12-го ноября я получил. Судьбы Божии бездна многая, и истинно то, что кого Господь любит, того наказует. Я, дорогой Батюшка мой, с благоговением взираю на постигшее Вас искушение и молю Бога, да дарует Вам силы перенести его по подражанию Святым, которые наследовали Царство Небесное многими скорбями. Хотя, по-видимому, и постигла Вас скорбь от человека, но по сущности она попущена Богом для Вашего усовершенния. Я умиляюсь, смотря умными очами на скорбь Вашу и думаю сам в себе: «Каково-то я понесу искушение, если Господу Богу угодно будет послать мне оное? И какое Господь пошлет мне искушение?» – Так помышляя, соболезнаю о Вас. Я полагал, что Вы уже получили Указ о увольнении Вас, и потому написал Вам, что самые обстоятельства отвечают. Прошедшего не воротишь; но

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.